

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Три года.

Рассказъ А. П. Чехова («Рус. Мысль» Янин.).

Г. Чеховъ въ рассказѣ „Три года“ водитъ дѣвъ семьи, положеніе которыхъ сходно въ слѣдующемъ: купеческая дочка, Нина Федоровна Лаптева, влюбилась въ красавца-дворянина Папаурова, кото-

211

№ 7. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. 1895.

212

рый женился на ней исключительно ради денегъ, а потому скоро и промоталъ ихъ. Братъ же Нины, Алексѣй, полюбилъ образованную дѣвушку Юлію Вѣловину, дочь доктора и женился на ней, хотя она совершенно не отвѣчала ему взаимностью и вышла замужъ изъ за богатства Лаптева.

Интересъ рассказа чисто психологическій, центральными фигурами рассказа являются Юлія съ Алексѣемъ. Нина съ мужемъ рисуются на второмъ планѣ и ихъ жизненная интермедія оканчивается въ то время, какъ у Алексѣя только что начинается, потому что описаніе ведется съ момента объясненія въ любви Лаптева, отказа Юліи, измѣненнаго потомъ въ согласіе, выхода ея замужъ, переѣзда въ Москву и возни съ сиротами-дѣвочками, оставшимися нослѣ Нины.

Авторъ какъ видно очень хорошо знаетъ съ описываемой средой. Сцена молебна въ домѣ свекра очень типична и кажется списанною съ натуры.

„Въ большой залѣ около стола, приготовленнаго для молебна, стояли, очевидно, въ ожиданіи, Федоръ Степановичъ (свекоръ), священникъ въ камлавкѣ и и дьяконъ. Старикъ подаль Юліи руку и не сказалъ ни слова. Всѣ молчали. Юлія сконфузилась.“

Священникъ и дьяконъ начали облачаться. Принесли кадило, изъ котораго сыпались искры и шелъ запахъ ладона и угля. Зажгли свѣчи. Прикащики вошли въ залу на цыпочкахъ и стали у стѣнъ въ два ряда. Было тихо, никто даже не кашлянулъ.

— Благослови, владыко, началъ дьяконъ низкимъ густымъ голосомъ.

Молебенъ служили торжественно, ничего не пропуская, и читали два акафиста: Иисусу Сладчайшему и Пресвятой Богородицѣ. Пѣвчіе пѣли только нотное, очень долго. Лаптевъ замѣтилъ, какъ давеча сконфузилась его жена, и теперь пока читались акафисты и пѣвчіе на разные лады выводили тройное „Господи помилуй“, онъ съ душевнымъ напряженіемъ ожидалъ, что вотъ-вотъ старикъ

оглянется и сдѣлаетъ какое нибудь замѣчаніе вроде „вы не умѣете креститься“, и ему было досадно на Федора (брата), который невзвѣстно для чего собралъ такую толпу и затѣвалъ всю эту церемонію съ попами и пѣвчими. Это было слишкомъ по купчески а ему (Алексѣю) хотѣлось, чтобы жена на первыхъ порахъ видѣла въ немъ и въ братѣ не купцовъ, а университетскихъ людей. Но когда онъ замѣтилъ, что она усердно молится и, когда она имѣетъ со старикомъ подставила голову подъ Евангеліе, и потомъ нѣсколько разъ опускалась на колѣни, онъ понялъ, что все это ей нравится и успокоился, и уже сердился только на то, что пѣвчіе долго тянутъ.

Въ концѣ молебна, во время многоглаголія, священникъ далъ приложиться къ кресту старику и Алексѣю, но когда подошла Юлія Сергѣевна, онъ прикрылъ крестъ рукою и сдѣлалъ видъ, что желаетъ говорить. Замахали пѣвчими, чтобы тѣ замолчали.

— Пророкъ Самуилъ, — началъ священникъ, глядя на Юлію, — пришелъ въ Вилею по повелѣнію Господню и тутъ городскіе старѣйшины вопрошали его съ трепетомъ: „Миренъ ли входъ твой, о, прозорливче?“ И рече пророкъ: „Миръ пожнете, ко Господу приидохъ, освятитесь и возвеселитесь днесь со мною“. Станемъ ли и мы, раба Божія Юлія, вопрошать тебя о мирѣ твоего пришествія въ домъ сей?..

Далѣе, называя торговлю Лаптева и его домъ виноградукомъ, онъ поясняетъ, что всѣ родные и служащіе съ трепетомъ ждали прибытія супруги старшаго хозяинскаго сына, съ трепетомъ потому, что отнынѣ благополучіе и даже судьба многихъ изъ этихъ людей будетъ зависѣть отъ нея. Она, имѣя власть, можетъ принести много добра но и много зла“.

Юлія покраснѣла отъ волненія. Кончивъ, священникъ далъ ей приложиться ко кресту и сказалъ уже освятивъ другимъ тономъ:

— Теперь Федора Федоровна надо женить. Пора“.

Послѣ этого началось подражаніе и обильныя угощенія. Тутъ совершился входъ дворянъ въ купеческій домъ. Юлія

быстро ассимилировалась средой и даже скоро сдружилась съ товарищами мужа и тѣ узнали, „что она есть за человекъ“. Только отъ мужа она замкнулась въ свой внутренний міръ и онъ одинъ не зналъ... Этимъ она какъ бы истинно мстила ему за униженіе себя куплей.

Алексѣй понималъ все это и втайнѣ страдалъ. Онъ ей далъ такъ много и взаимно не получилъ ничего, кромѣ вѣшняго обладанія. Но это не стоило принесенныхъ имъ жертвъ; а между тѣмъ Алексѣй разорвалъ связь съ нѣкоей Полиной, очень развитой особой, которая хотя была не молода и не красива, но любила Лаптева искренно и глубоко. Разрывъ съ этой честной и чистой привязанностью оставилъ въ душѣ Алексѣя чувство глубокаго сожалѣнія. Лишь послѣ факта разрыва съ Полиной онъ понималъ, что долженъ былъ жениться только на ней, а женитьба на Лидіи была ошибкой.

Не менѣе сложная задача выпала на долю Панаурова. Нина его страшно любила, а его чувство было свободно до тѣхъ поръ, пока онъ не обзавелся второй, нелегальной семьей. Отъ жены было у него 2 дочери и на сторонѣ—также 2 дочери. Нелегальная жена не была счастлива, хотя Панауровъ отдавалъ ей все, что могъ. Выходящая и блѣдная, она чувствовала себя стѣсненной въ присутствіи постороннихъ, понимая всю ложность своего положенія. Панауровъ словно не замѣчалъ ничего и старался обставить свою даму съ шикомъ, прямо бьющимъ въ носъ; такъ, на приборъ на столѣ, какъ-то флаконъ для снов, ложечки и вилочки—были изъ чистаго золота. Эта мелочь тѣшила Панаурова и давала ему извѣстнаго рода „нравственное удовлетвореніе“. Неспособный самъ на глубокое и беззаветное чувство, Панауровъ былъ избалованъ имъ у женщинъ, снисходя до нихъ, считалъ, что осчастлиавливаетъ этимъ каждую.

Лица выведенныя авторомъ въ жи-

воты и постановка ихъ въ разсказѣ вполне правдива, реальна. Особенно удалась автору фигура старика Лаптева и старшаго прикащика.

Нельзя только не поставить автору въ вину большой небрежности въ отдѣлѣ. Въ ряду молодыхъ беллетристовъ критика отвела Чехову такое выдающееся мѣсто, что и требованія къ нему могутъ быть предъявлены строже нежели въ другимъ. Между тѣмъ вначалѣ разсказа читаемъ: „Было еще темно, но кое-гдѣ въ домахъ уже засвѣтились огни, и въ концѣ улицы изъ за казармы стала подниматься блѣдная луна“. Съ первой же строки и вдругъ такая неправильность. Было ли это „близкое время къ утру или къ вечеру, сказано одинаково неправильно. Или далѣе, на стр. 25: „Можешь меня поздравить, сказалъ Алексѣй; я сдѣлалъ предложеніе Юліи Бѣлавиной“.

Нина Федоровна сначала думала, что онъ шутитъ, но потомъ повѣрила и заплакала. Эта новость не понравилась ей“.

Что за необдуманная перестановка словъ! Сначала опредѣленіе болѣе сильное: „заплакала“, а потомъ—болѣе слабое: „не понравилась“, и т. д. Такихъ недочетовъ разсчитано въ разсказѣ немало. А между тѣмъ Чеховъ болѣе другихъ оцѣнивается на литературномъ рынкѣ, а слѣдовательно и болѣе другихъ имѣетъ возможность отдѣлывать свои произведенія.

Недостаетъ въ разсказѣ и надлежащей художественной сжатости, которая отличается лучшіе изъ мелкихъ разсказовъ Чехова. Онъ повидимому задалъ себѣ цѣлью во чтобы то ни стало дать „крупное“ произведеніе и даетъ, въ сожалѣніе, только растянутое.

СТАВРОПОЛЬСКИЙ

(
1